

Вступление

Кейси Сеп

Роман «Убить пересмешника», написанный неизвестным автором с Юга и опубликованный летом 1960 года, появился из ниоткуда, будто Афина Алабамская, в форме идеально законченного произведения, не имеющего очевидных прецедентов и предыстории. Эта книга, посвященная эпохе бурных событий от зарождения движения за гражданские права до сексуальной революции, непостижимым образом стала первом своего времени и мгновенно обрела бессмертный статус — она говорила на языке вечности о нравственном пробуждении детей, неувядающей семейной любви и трениях между личностью и обществом.

Однако ни один автор не свободен от внешнего влияния. И Харпер Ли, разумеется, не была в этом смысле исключением. Она невероятно много работала, прежде чем приобрела известность. Ее личность

казалась загадочной лишь потому, что она не любила говорить о себе, и чем больше славы получал ее роман — «Убить пересмешника» стал бестселлером, заслужил премию Пулитцера, разошелся миллионом экземпляров, потом десятью миллионами, потом сорока, — тем больше возникало домыслов и слухов, призванных заполнить созданную молчанием автора пустоту. После выхода книги публичный образ Ли многие годы колебался между двумя ее любимыми персонажами. Ее считали либо живым воплощением дерзкой девчонки-сорванца Глазастика — Джин-Луизы Финч, либо, учитывая ее склонность к затворничеству, аналогом подозрительного персонажа — Артура Рэдли по прозвищу Страшила. Так как автор не рассказывала, кто она такая и как стала писательницей, ответы на вопросы о ней перекочевали из области реальной биографии в область мифотворчества.

Тем более восхитительно было обнаружить привет из прошлого — начального периода творчества Ли — в виде собрания ранних рассказов, впервые представленных в этом издании, помогающих понять, как девчонка с Саут-Алабама-авеню превратилась в автора бестселлера, очаровавшего целые поколения читателей по всему миру. В этих восьми рассказах, написанных в течение десяти лет между ее переездом в Нью-Йорк в 1949 году и выходом «Убить пересмешника», появляются некоторые из героев и ситуаций, которые вскоре сделают их создательницу знаменитой и обнажат противоречия и моральные кон-

фликты современности. Их решением Ли будет занята всю оставшуюся жизнь.

.....

Нелл Харпер Ли родилась 28 апреля 1926 года. Она была младшей из четверых детей Амаса Колмана Ли и Франсес Каннингем Финч. От самого старшего ребенка семьи девочку отделяли целых пятнадцать лет, и ее детство спокойно протекало в маленьком городке Монровилл, штат Алабама, в сотне миль от Монтгомери и в ста световых годах от Манхэттена. На ее глазах братья и сестры по очереди претворяли в жизнь мечты родителей: сестра Элис сделала замечательную юридическую карьеру в фирме отца, брат Эдвин с отличием отслужил в вооруженных силах во время Второй мировой войны, сестра Луиза нашла любящего мужа и решила стать домохозяйкой. Долгое время казалось, что Ли остается в семье единственной, кто не оправдал надежд: она бросила Алабамский университет за семестр до выпуска и сбежала на презренный Север, прервав обучение на юридическом факультете. Получи она диплом, это позволило бы ее отцу писать свою фамилию на вывеске семейной фирмы во множественном числе. Хотя фирме «А. К. Ли и дочери» не суждено было появиться, а Харпер так и не стала адвокатом, она в конце концов завоевала славу одной из наиболее выдающихся правозащитниц Америки.

У Харпер не было возможности изучать писательское мастерство в колледже или университете, она учились писать самостоятельно, живя в Таскалусе. Ли вела колонку в газете колледжа «Кримсон Уайт» и публиковала зарисовки в студенческом юмористическом журнале «Реммер-Джеммер», в итоге став его редактором. Ее разностороннее любопытство и глубокий ум уже тогда давали о себе знать — в обзорах последних английских кинофильмов, в пародии на Шекспира, в пасквиле на ректора, едких насмешках над сельской газетой, которой владел и управлял ее отец.

Строки, написанные Ли, всегда напоминали колючие заросли терновника, ее высказывания были остры и непочтительны, как сама Нелл, — так ее тогда звали. Она поправляла «сестер» по женской студенческой организации «хи омега»¹, когда те неправильно произносили слова. Ли носила голубые джинсы и бермуды в то время, когда на женщин косились, если они надевали что-то кроме платьев, ругалась, как матрос с авианосца «Энтерпрайз», а однажды устроила скандал на весь кампус, закурив сигару, сидя на капоте автомобиля во время университетского парада.

¹ Название одной из женских студенческих организаций в США. Такие общественные организации студентов и студенток, разделенные по половому признаку, фактически существуют почти в каждом колледже и университете и носят названия, состоящие из букв греческого алфавита — «альфа дельта пи», «гамма фи бета», «хи омега» и т. д.

Когда Ли в возрасте двадцати трех лет переехала в Нью-Йорк, она знала в городе всего одного человека, но этим человеком был Трумен Капоте, который в детстве несколько лет жил по соседству с Ли и впоследствии стал прообразом щуплого озорного Чарлза Бейкера Харриса по кличке Дилл. Оба начинающих автора ощущали себя, по выражению Капоте, «оторванными людьми». Они научились читать намного раньше сверстников и играли в слова, как другие дети играют в куклы или футбол. Друзья договорились писать приключенческие романы, сказки и стихи — словом, что-нибудь в духе того, что они любили читать сами, — от «Близнецов Бобси»¹ до «Беовульфа» и от «Мальчишек семейства Ровер» до Редьярда Киплинга. Свои первые произведения она печатала на машинке, которую отец посчитал необходимым подарить своей эрудированной младшей дочери.

Вместо учебы в колледже Капоте устроился на работу редакционным курьером в журнал «Нью-Йоркер». Через несколько лет Ли тоже нашла работу в издательском бизнесе, хотя и не в столь глямурном издании. Капоте действовал на нервы главному редактору Гарольду Россу, являясь на работу в плаще с капюшоном, а однажды сорвал одно из поэтических чтений Роберта Фроста. Ли тем временем зани-

¹ Близнецы Бобси — главные герои серии из 72 детских книг, написанных разными авторами под псевдонимом Лора Ли Хоуп.

малась нудным вычтыванием календарей университетских ассоциаций и новостей из сферы образования для ежемесячного журнала Американской школьной издательской корпорации «Скул Экзекьютив». В конце концов она сменила работу и стала клерком по бронированию авиабилетов, что имело меньшее отношение к литературе, но выглядело более престижно. Правда, ее личная жизнь от этого выигрывала мало. Отработав с девяти до пяти, она ужинала сэндвичами с арахисовым маслом и сочиняла рассказы, сидя за столом, который сама и смастерила из двух ящиков из-под яблок и найденной в подвале старой двери.

Несмотря на столь неустойчивую поверхность для письма, Ли постепенно набивала руку. «Я считаю, что у меня есть талант к писательскому творчеству, — не скрывая своих намерений, говорит она в письме родным, — и я верю, что смогу зарабатывать им на жизнь». Как и многие другие начинающие авторы, Ли поначалу черпала материал из собственных детских впечатлений и семейной жизни. В ее первых трех историях юные рассказчицы исследуют общественные нравы, совершают мелкие прегрешения и переживают нравственное замешательство, присущее, по меткому определению Ли в одном из более поздних произведений, «тайному обществу детства». «Бак для воды», «Бинокль» и «Зубчатые ножницы» написаны еще до того, как Ли исполнилось тридцать лет, и не выходят за рамки тем, связанных с поиском одобре-

ния у родителей и сверстников. Оппоненты тоже вполне заурядны — учителя, братья и сестры, соперничающие группировки в школе.

Однако действие следующих трех рассказов происходит уже в Нью-Йорке, рассказчики — взрослые люди; заметна попытка Ли не отставать от Сэлинджера и Чивера. «Целая комната собачьего корма», «Зрители и обозреваемые», а также «И это называется шоу-бизнес?» демонстрируют переход от эпизодичности к сюжетной линии вкупе с экспериментами в виде разноголосого повествования. Голоса принимают не совсем экспериментальную форму трагико-мического монолога о неблагополучной подруге, язвительных реплик кинозрителей в Верхнем Ист-Сайде и разговора двух почти незнакомых девушек в работающем на холостом ходу автомобиле в духе «Поэтики» Аристотеля.

Люди часто удивляются, узнав, что большую часть жизни Ли прожила в Нью-Йорке, ходила за книгами в библиотеку Нью-Йоркского общества, посещала выставки в Коллекции Фрика¹ и делала вылазки в Куинс² на игры «Метс»³. Есть что-то неожиданное и

¹ Коллекция Фрика — частная коллекция старой западноевропейской живописи, расположенная на Пятой авеню в Нью-Йорке. Собрана американским промышленником Генри Клэем Фриком.

² Самый неоднородный по этническому составу район Нью-Йорка, расположенный на острове Лонг-Айленд.

³ «Нью-Йорк Метс» — профессиональный бейсбольный клуб, базирующийся в районе Куинс.

тонкое в том, что автору, воспевающему культуру маленьких захолустных городков, чей голос в ушах всего мира звучит наподобие южного варианта «Сайнфелда»¹, знакома безысходность поиска свободного места для парковки.

Героями рассказов выступают персонажи, подсмотренные Ли в реальной жизни. Одна героиня даже сохранила свое настоящее прозвище — Доди, другие носят имена братьев и сестер Ли — Эдвин, Элис, Луиза, третья представляют собой слабо завуалированные или совершенно очевидные копии друзей, в том числе будущего мэра Монровилла — Энн Хайнс. Под своим настоящим именем появляется даже жена брата Ли — Сара Энн Макколл, которая в образе маленькой девочки исполняла роль окорока на выставке сельхозпродукции, — эта сцена потом станет центральной в finale «Убить пересмешника». Старшая сестра Ли, Элис, которую в семье звали Бэр (Мишутка), была непринужденно превращена в Доу (Косулью), но несмотря на перемену имени ее легко узнать по описанию: «Она любила всего три вещи на свете — изучение и применение права, камелии и методистскую церковь».

Наряду с гостеприимством и рецептом местного торта, любовь к прозвищам — отличительная черта Юга. Ли знает в них толк и, когда не копирует их,

¹ Популярный комедийный телесериал, действие которого по большей части происходит в многоквартирном доме в Верхнем Ист-Сайде на Манхэттене.

с удовольствием придумывает сама. В рассказах встречаются неудачница и второгодница Эдди Мей Оусли, учительницы мисс Бизи (Занятая) и мисс Тернипсид (Семечко репы), проповедник брат К У Тейтум (без точек после инициалов) с целым миньяном¹ из девяти детей — Ханниилом, Иовом, Аввакумом, Матрид, Иезавелью, Марией, Эммануилом и близнецами Осией и Осанной.

.....

Имя героини, прославившей Харпер Ли, впервые появляется в рассказе «Зубчатые ножницы», где мы встречаем юную Джин-Луи, сорванца-третьякласничу, непонятно почему потерявшую окончание «за». Более знакомая нам Луиза, часть имени средней сестры Ли, мелькает в другом месте — так зовут девушку по фамилии Финли, опозоренную школьницу, чья вероятная беременность вызывает переполох в шестом классе в рассказе «Бак для воды». В обоих рассказах девочки сталкиваются с завышенными ожиданиями матерей, отцов и соседей, однако Ли не столько сокрушается, сколько зубоскалит, и ее тон гораздо лучше подходит для этих маленьких комедий нравов. Рассказчица из «Бака для воды» на протяжении всего повествования волнуется, что у нее будет ребенок,

¹ Необходимый кворум для совершения публичного богослужения и проведения ряда религиозных обрядов в иудаизме. Состоит как минимум из десяти человек.

потому что вскоре после первых месячных она обняла мальчишку, когда у него были расстегнуты штаны. В «Зубчатых ножницах» Джин-Луи Финч отвергает общественные стереотипы женской красоты и получает наказание за то, что обрезала длинные, ниспадающие до пояса волосы школьной подруги, пожелавшей досадить своему деспотичному ветхозаветному отцу.

В последнем рассказе подборки мисс Финч официально становится Джин-Луизой, но пока еще не Глазастиком. Люди, близко знавшие Харпер Ли, упоминают ее острый ум, и читать последний рассказ — истинное удовольствие, она в полной мере демонстрирует на этих страницах свой интеллект, наполняя прозу таким количеством аллюзий, что редкий читатель разберется в них до конца. Название «Желанная страна» взято из церковного гимна, а сюжет напоминает произведения Теккерея или Троллопа и уморительно описывает практику исполнения этих самых гимнов. Повзрослевшая Джин-Луиза назубок знает малоизвестных английских богословов, скрупулезно относится к соблюдению ритма Славословия и язвит по поводу изменений традиционного исполнения, то ли в шутку, то ли всерьез жалуясь: «Нашим братьям по вере на Севере мало козней Верховного суда, теперь они пытаются переделать наши гимны».

Ли смешно и остроумно описывает смесь уюта и клаустрофобии, которые взрослый человек испытывает при возвращении в дом своего детства или,

если на то пошло, весь мир своего детства, не щадя церковь. Ко времени написания «Желанной страны» Ли поднаторела по части таких возвращений и совершала их много раз. Через два года после переезда в Нью-Йорк летом 1951 года отец Ли позвонил из Мемориальной больницы Вона в Селме и сообщил, что у ее матери обнаружен рак печени и легких. Ли не успела даже купить билеты, как отец позвонил опять и сообщил, что Франсес умерла от сердечного приступа всего через день после постановки диагноза. Ли успела на похороны исключительно благодаря расторопности авиакомпании, в которой она работала.

Через полтора месяца после ужасного звонка ей опять позвонили, на этот раз сообщив о смерти ее любимого брата Эдвина, прообраза Джима, от аневризмы головного мозга на базе BBC в Монтгомери. У Эдвина остались жена и двое маленьких детей.

Ли в очередной раз вернулась домой, ее скорбь и потрясение достигли предела. Ей еще не исполнилось двадцати двух лет, а желание соприкоснуться с детством уже вспыхнуло с небывалой силой, отчасти потому, что, как она пишет в «Первом сорте», отец и старшая сестра вскоре продали семейный дом, где она родилась и выросла, и переехали в более современный на другом конце города. Элис продолжала ездить в юридическую контору на площади суда, но А.К. Ли оставался дома — он страдал от горя и артрита, к чему вскоре добавились проблемы с сердцем, но не терял надежды поправиться.

Переезд не помог паре домоседов скрыться от призраков Саут-Алабама-авеню. Ли преследовали воспоминания о матери и брате и том уютном мире, в котором те еще были живы. Ее тревожило здоровье отца, и она часто возвращалась домой, чтобы помочь Элис в уходе за ним. Она также начала писать рассказы, в которых пыталась примирить свой новый дом с домом детства, совмещая субъективность манхэттенских историй с атмосферой Монровилла. Этой интегративной терапии она следовала и в своей прозе, и в реальной жизни.

В те времена, особенно с началом эпохи нравственных дилемм, политические взгляды Ли еще не приняли окончательной формы. По всей стране разворачивалась затяжная борьба за гражданские права, однако наибольшего ожесточения она достигла на глубоком Юге. Как и многие белые американцы, Харпер Ли не сразу смогла определиться, какую сторону ей принять. Ее родной город — его школы, церкви и рестораны — был разделен сегрегацией по расовому признаку. Отец писал редакционные статьи, направленные против принятия федеральных законов, запрещающих суд Линча, поддерживал осуждение «парней из Скотсборо», ложно обвиненных в изнасиловании двух белых женщин, и бил тревогу в связи с планами министерства национального образования по принудительной десегрегации школ.

Политические настроения Ли отличались от отцовских, но насколько именно, еще предстояло выяс-

нить. В колледже она писала статьи об ужасах расового насилия и чувствовала себя комфортно среди радикалов в редакции студенческой газеты, хотя до смелой интеграции чернокожих студентов Джеймсом Худом и Вивиан Мэлоун в Алабамском университете оставалось почти двадцать лет. Тем не менее, перебравшись на Манхэттен, Ли окунулась в намного более разнообразное общество, чем у себя дома, и шутила по поводу своего вступления в Национальную ассоциацию содействия прогрессу цветного населения. Ее нью-йоркские друзья с Юга полностью преобразились. Ли быстро привыкла к жизни без сегрегации и теперь приезжала в Алабаму с чувством некоторого морального превосходства. «Я удержалась от напоминания, что последние семь лет живу в Нью-Йорке, — пишет Ли в «Первом сорте», — где преимуществами демократии пользуются ни много ни мало более восьми миллионов человек».

Этот рассказ, переданный в редакцию в начале 1957 года, через три года после принятия Верховным судом решения по делу Брауна против Совета по образованию и через несколько месяцев после подписания президентом Эйзенхаузером первых со времен Реконструкции Юга законов о гражданских правах, ставит вопрос расовых взаимоотношений ребром. В нем сестры из маленького городка, явно напоминающие Ли и ее сестру Элис, практически нигде не бывавшую за пределами Монровилла, кроме Монтгомери и Бирмингема, где она училась

в колледже и приобретала профессию юриста, сталкиваются с садовником высочайшего класса, «негром-янки» Артуром, который будит в них противоречивые чувства.

Ли рано поняла, что движение за гражданские права представляет собой не абстрактный крестовый поход во имя справедливости, а серию прямых столкновений между соседями. Успех движения зависел от изменения политики, но также от изменения характера и правил реальных взаимоотношений. Эта убежденность превосходно показана на страницах «Убить пересмешника», чем объясняется громкий не только коммерческий, но и культурный успех романа. Аттикус, пример нравственной смелости для детей, стал таковым и для читателей, служа напоминанием, что любые контакты между людьми дают возможность прислушаться к зову доброты.

В «Первом сорте», однако, Ли еще не до конца разобралась, как относиться к своей семье, и еще меньше разобралась со своим отношением к борьбе за социальную справедливость. Когда рассказчица наконец признает, что неуютно чувствует себя в компании садовника Артура, она, не скрывая, пишет:

Доу сказала: «Моя беда в том, что я не знаю, как подстроиться к эмансипированному негру, столкнувшись с ним лицом к лицу. Это лишний раз доказывает — сколько бы времени я ни провела вдали от дома, я навсегда останусь уро-

женкой Мейкомба в Алабаме». В отличие от меня, Доу была ярой сторонницей сегрегации, и я заставила себя промолчать. Не хватало еще, чтобы ссора оторвала меня от семьи — последней оставшейся у меня опоры. В те дни, наверное, многие, как и я, извлекли для себя первый урок возвращения домой: если ты с чем-то не согласен, покрепче прикуси язык.

В итоге рассказ в самом конце принимает тревожный оборот — рассказчица следует собственному совету, выбирая молчаливое осуждение, которое вполне можно истолковать как негласное пособничество.

.....

В написанных от руки и напечатанных на машинке черновиках рассказов Ли оставила сделанные своей рукой редакторские пометки. Многие из них представляют собой мушиные пятнышки зачеркиваний и замен, характерные для незаконченного произведения, другие — серьезную переработку. В первоначальном варианте «Бака для воды» красной ручкой зачеркнут «округ Монро» и вместо него вписан «округ Мейбен» — первая попытка превратить родной городок Монровилл в некое воображаемое место, где нравственные преобразования могли бы стать реальностью. В «Первом сорте» Мейбен офи-